

Н. А. Синдаловский

НАЦИОНАЛЬНОЕ МНОГОЦВЕТЬЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОРОДСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Для Петербурга понятие «многонациональный» никогда не было ни пропагандистской идеологической формулой, ни расхожим литературным штампом. Петербург действительно с самого своего рождения был многонациональным. Первыми его строителями были финны, издавна населявшие Приневскую низменность. Первым архитектором был швейцарец итальянского происхождения Доменико Трезини. Первым генерал-полицмейстером — португальский еврей Антуан Девиер. Прорубив «окно в Европу» для россиян, Петр Великий широко распахнул двери России для европейцев. В Петербург буквально хлынул поток ремесленников и торговцев, корабелов и волонтеров, кондитеров и строителей разных национальностей. Город гордился своей многонациональностью. На масленичных и пасхальных гуляньях балаганные деды, неторопливо раскручивая бумажную ленту потешной панорамы с изображениями различных городов, бойко слагали рифмованные строки:

А это город Питер,
Которому еврей нос вытер.
Это город русский,
Хохол у него французский,
Рост молодецкий,
Только дух немецкий!
Да это ничего — проветрится.

Вопреки расхожему мнению, ведущему свое начало от блестящей пушкинской метафоры «на берегу пустынных волн», Петербург вырос далеко не на пустом месте. Только в границах исторического центра города существовало около сорока различных поселений. Некоторые из них еще до шведской оккупации Приневья принадлежали Новгороду. Однако большинство этих поселений были финскими. До сих пор в топонимике многих районов Петербурга отчетливо слышатся финские корни: Купчино, Парголово, Автово, Шушары, Токсово...

В начале XVIII в. район от Мойки в сторону современной Дворцовой площади, где находилась финская слобода, называли Финскими шхерами. Проживали финны и на Выборгской стороне. Они старательно подчеркивали свою самостоятельность и автономность, и даже Петербург называли по-своему — Пиетари. Авторитет трудолюбивых и добросовестных финских крестьян в Петербурге

был настолько высоким, что среди русских молочниц сложилась языковая традиция произносить «молоко», «масло», «сливки» на финский манер, демонстрируя тем самым высокое качество своего товара. А широко распространенный в Петербурге XIX в. образ девушки-молочницы с Охты был запечатлен Пушкиным в «Евгении Онегине»: «С кувшином охтенка спешит, / Под ней снег утренний хрустит». Кроме молока финские крестьяне снабжали постоянно растущее население столицы и другими продуктами — как животноводства, так и земледелия. Постепенно складывался так называемый «Финский пояс Петербурга», обитатели которого, или «пригородные чухны», как их называли в обиходной речи, долгое время довольно успешно справлялись с этой задачей.

Финские крестьяне были постоянными и неприменными участниками всех, особенно зимних, петербургских народных гуляний. Тысячи извозчиков наезжали в Петербург на две короткие масленичные недели со своими легкими расписными, празднично украшенными санями, которые, как и их возниц, петербургские обыватели называли «вейками», что в переводе с финского означает «друг», «товарищ», «брат». Считалось, что не прокатиться на Масленице, как тогда говорили, «на чухне» — все равно что и самой Масленицы не видеть. Это было красиво и весело, а главное — дешево. Дешевле, чем у русских ямщиков. Плата за проезд в любой конец города составляла тридцать копеек. Широкой известностью пользовалась в Петербурге поговорка финских легковых извозчиков, которую, коверкая язык, любили повторять горожане: «Хоть Шпалерная, хоть Галерная — все равно ризать копеек».

«Вейки» в Петербурге были любимыми персонажами городского фольклора. До сих пор от старых людей можно услышать: «расфуфырился, как вейка», «вырядился, как вейка». Вместе с тем их называли «желтоглазыми», или «желтоглазыми гужеедами», чаще всего не понимая этого насмешливого, а порой и бранного прозвища. На самом деле оно появилось еще в первой половине XVIII в. В 1735 г. был издан указ, обязывающий всех петербургских извозчиков красить свои экипажи в желтый цвет.

О финнах ходили добродушные анекдоты. Приехал чухна на Пасху в Петербург и по совету русских приятелей пошел в церковь. «Ну как, —

спросили его приятели, когда тот вернулся, — понравилось?» — «Понравилось-то понравилось, только вот ничего не понял. Выходит поп и, обращаясь к толпе, кричит: “Крестовский остров”, а толпа ему хором отвечает: “Васильевский остров”». Русские хохочут над простодушным финном, которому в обыкновенном «Христос воскрес — воистину воскрес» слышатся названия островов. Финн не понимает, но тоже смеется.

До сих пор в Петербурге бытует ругательство: «чухна парголовская». Впрочем, скорее всего оно имеет не национальный, а территориальный характер, как «шпана лиговская». Ни враждой, ни ненавистью, ни антагонизмом это не назовешь. Те же русские известную поговорку: «Поскребите любого русского — и вы обнаружите татарина» с легкостью готовы были изменить в пользу финнов. Вариант «Поскреби любого русского — и обнаружишь чухонца» находил подтверждение в многовековом соседстве славянских и финно-угорских племен, некогда совместно проживавших на территории Восточно-Европейской равнины. Поиски общих корней иногда приводят к неожиданным результатам. Местные финны утверждают, что русская поговорка «Почем фунт лиха?» этимологически восходит к финскому слову *liha*, что означает обыкновенное «мясо», которое окрестные финны в избытке завозили на питерские рынки и фунтами продавали горожанам. Видимо, фунт мяса стоил не так дешево, если в фольклоре *liha* могло трансформироваться в «беду» или «несчастье».

После финнов, которые здесь жили и считались абorigенами приевского края, первыми иностранцами, появившимися в новой столице, видимо, следует считать голландцев. *Herr aus Holland*, что буквально значит «человек из Голландии», появился в Петербурге едва ли не в первые недели существования города. В связи с этим любопытна легенда о корабле с золотом, которое Петр дал дружественной стране в виде займа. Корабль будто бы затонул, застигнутый бурей где-то недалеко от Кронштадта. До сих пор этот эпизод из жизни раннего Петербурга будоражит умы кладоискателей всего мира. Согласно другой легенде, однажды Петр спросил голландского шкипера, где ему кажется лучше: в Архангельске или в Петербурге. «Все бы хорошо здесь, — ответил тот, — да нет оладий». И государь в тот же день угостил его у себя оладьями и велел всегда готовить их для голландских шкиперов. Известно, что давней и страстной мечтой Петра I было перенести основной объем внешнеторговых морских перевозок из Архангельска в Петербург.

Кроме следов голландского присутствия, сохранившихся в современном Петербурге в виде топонимов «Голландский дом» (как называют дом голландской церкви на Невском проспекте, 20) и «Голландский квартал» (квартала вокруг него), голландцы постоянно напоминают о себе широко известным фразеологизмом, окрашенным на российской почве в откровенно вульгарные тона. Давняя дефиниция моряка, прибывшего из Голландии: *Herr aus Holland* (напомним еще раз, что это всего лишь «человек из Голландии») попав в русский язык, прижилась, но расцвела уже в новом качестве. Первая часть этой лексической конструкции, созвучная с названием двадцать третьей буквы сла-

вянской кириллицы «Х», утратила мягкость своего голландского произношения и стала произноситься по-русски твердо: «хер», а вся лексема в русской транскрипции превратилась в расхожее ругательство. Впрочем, голландцы тут ни при чем.

Среди этнических групп населения Петербурга немцы на протяжении всей истории города неизменно занимали второе место после русских. Пик немецкого присутствия пришелся на конец 1860-х гг. Статистика утверждает, что в 1869 г. немцы составили 6,8 % всего населения столицы. Однажды среди русских славянофилов была даже предпринята неуклюжая попытка противопоставить так называемый «немецкий Петербург» исконно «русской Москве». Понятно, что в многонациональном Петербурге такая попытка была заведомо обречена на провал. Но круги на воде от камня, брошенного патриотами тогда, можно разглядеть и сегодня. До сих пор известен перифраз на пресловутую тему: «Что хорошо питерцу — немцу, как известно, смерть».

В первой четверти XVIII в. немцы чаще всего селились в центре Петербурга. Известно, что Адмиралтейский остров в народе именовали Немецкой слободой. Вторым районом по численности немцев был Васильевский остров, точнее, его восточная часть. Аккуратные, добросовестные и талантливые умельцы, они снискали среди горожан всеобщее уважение, а такой фольклорный фразеологизм, как «василеостровский немец», стал символом добротности, основательности, солидности и благополучия. Когда петербуржцы хотели кого-то похвалить, именно так и говорили: «какой-то весь добротный, на иностранный лад, вроде василеостровского немца».

Селились немцы, как правило, обособленно — слободами. Одна такая немецкая слобода находилась на Выборгской стороне, вблизи Лесного проспекта. По местному сентиментальному преданию, в ней жили две семьи, дети которых — молодой ремесленник Карл и дочь булочника красавица Эмилия — полюбили друг друга. Однако их родители год за годом не давали бедным влюбленным согласия на брак. «Подождем, пока Карл будет зарабатывать достаточно, чтобы начать откладывать “зайн кляй-нес шатц (свои маленькие сбережения)”», — говорили они. И дети покорно ждали своего счастья. Через десять лет Карл стал зарабатывать вполне достаточно и уже отложил некоторое «шатц». Но родителям этого показалось мало, и они опять сказали: «Найн!» Прошло еще двадцать лет. И снова дети услышали категоричное «Найн!» И тогда пятидесятилетние Карл и Эмилия посмотрели друг на друга, взяли за руки, пошли на Круглый пруд и бросились в него. Когда наутро их тела вытащили баграми, они все еще держали друг друга за руки. И тогда «господин пастор» и «господин учитель» посоветовали прихожанам назвать их именами улицу, чтобы отметить «удивительную любовь и не менее дивное послушание родителям».

Улица Карла и Эмилии существовала до 1952 г. В тот год ее переименовали в Тосненскую. Затем и она исчезла с топографической карты Петербурга. В 1975 г. Тосненская улица растворилась в застройке проспектов Раевского и Тихорецкого. Впрочем, могила влюбленных Карла и Эмилии —

простой металлический крест в ограде — долгое время была хорошо известна жителям Лесного проспекта вблизи Политехнического института. Говорят, что она всегда была украшена свежими букетиками цветов.

С началом Первой мировой войны и потом — в годы революции и Гражданской войны — количество немцев в Петербурге резко поубавилось, а затем они и вообще в городе стали незаметны. Только в 1945 г. немцы вновь появились на улицах Ленинграда, но уже в ином качестве. Они были военнопленными. В основном их использовали на строительных и восстановительных работах. Ленинградцы старшего поколения хорошо помнят многочисленные бригады пленных немцев, занятых восстановлением разрушенного войной города. И опять, как и много лет назад, немецкое трудолюбие и аккуратность стали гарантией высокого качества построек и тщательности их отделки. Всего в Ленинграде пленные немцы возвели 293 дома. Фольклор вновь заговорил о немцах. До сих пор дома, построенные ими в Новой Деревне, в обиходе называются «немецкими домами», в Кировском районе на проспекте Стачек — «немецкими коттеджами», на Черной речке — «немецкими особнячками».

Татары в Петербурге появились едва ли не сразу. Казанские и астраханские татары были среди первых строителей Петербурга, согнанных сюда практически из всех российских губерний. Они были заняты на строительстве земляной в то время Петропавловской крепости. Здесь же и жили, вблизи Кронверкского протока. Их войлочные юрты занимали большой участок, называвшийся в то время Татарской слободой, или Татарским становищем. Позднее здесь был проложен переулок, названный Татарским в память о тех первых петербургских татарах.

По сложившейся впоследствии традиции татары в Петербурге занимались в основном мелкой торговлей. С этим родом деятельности связан и городской фольклор о них. Так, первый в Петербурге толкучий рынок, возникший в 1710 г. на Березовом острове, недалеко от Кронверка, в обиходе назывался «татарским табором». «Татарским пассажем» называли в Петербурге крытый Александровский рынок, который занимал огромную территорию от Садовой улицы до Фонтанки вдоль Вознесенского проспекта. Внутри этого рынка место, где торговали так называемые «татары-халатники», народ окрестил «татарской площадкой». Эти знаменитые «халатники» были достопримечательностью старого Петербурга. Они регулярно обходили город, заглядывая во дворы и пронзительно выкрикивая: «Халат-халат!» Их ожидали. На крик выходили домработницы, за бесценок сбывая вышедшую из моды одежду, стоптанную обувь, пришедшую в негодность или надоевшую домашнюю утварь. В Петербурге старьевщиков так и называли: «Халат-халат». Упоминаниями о них буквально пестрит петербургская литература о городской жизни XIX — начала XX в.

Национальный татарский обычай употребления в пищу конского мяса оставил в фольклоре свой след. В свое время Крестовский остров был изрезан протоками, прорытыми во второй половине XVIII в. для осушения болотистой почвы. Протоки образовывали островки, на одном из которых

петербургские татары забивали лошадей. В народе остров называли Татарским. В XIX—XX вв. протоки были засыпаны и «Татарский остров» прекратил свое существование.

Согласно документальным свидетельствам, первые евреи появились в Петербурге при Петре I. В ближайшем окружении императора было относительно много крещеных евреев. Польским евреем был вице-канцлер Петр Шафиров, португальским — первый генерал-полицийстер Девиер, испанским — любимый шут Петра Ян Акоста.

Но по большому счету евреев в Петербурге не было до 1770-х гг. Только после присоединения к России Польши и Литвы, в результате чего евреи, проживавшие на этих территориях, автоматически стали подданными Российской империи, они появились в городе. Постепенно центр российской еврейской жизни перемещался в Петербург.

Основным районом расселения евреев в Петербурге была Коломна. Один из ее участков позади Мариинского театра в начале XX в., по свидетельству Осипа Мандельштама, в народе называли еврейским кварталом. Фольклорная традиция называть районы города по национальности его основных жителей была продолжена и в советское время. Правда, тогда махровым антисемитам казалось, что евреи заняли весь город и даже его центр, Невский проспект. «В кинотеатре “Колизей” что ни зритель, то еврей» — пелось в одной антисемитской песенке. Хорошо известно, что после «победы социалистической революции» антисемитизм в Петрограде усилился. Как ни удивительно, этому во многом способствовали сами титулованные евреи. Так, объективно вполне можно считать антисемитом Л. Д. Троцкого (настоящая фамилия Бронштейн), хотя он сам искренне верил в обратное. Однажды, если верить фольклору, к нему пришли видные представители петроградской еврейской общины. Они прямо заявили, что проведением так называемого «красного террора», в котором он принимает активное участие, он, как еврей, наносит непоправимый вред собратьям по вере. По утверждению молвы, Троцкий ответил: «Я не еврей, я — интернационалист». Надо сказать, что в это верил не только Троцкий. По старой, как мир, антисемитской традиции в сознании обывателя евреем считается любой носитель отрицательных качеств, к какой бы национальности он ни принадлежал. Из фольклора известен пролетарский лозунг горячих предоктябрьских дней 1917 г.: «Долой еврея Керенского, да здравствует товарищ Троцкий». К сожалению, евреи ответили гораздо позже — словицей, которую Троцкий уже не мог услышать: «Революцию делали Троцкие, а расплачиваются Бронштейны».

Таковы, согласно петербургскому городскому фольклору, корни советского антисемитизма, пик которого пришелся на послевоенные годы. Сигналом к нему послужила пресловутая борьба с космополитизмом и сфабрикованное затем «дело врачей». Откровенно антиеврейской политике предшествовали лицемерные акции, которые должны были доказать мировому общественному мнению, что в СССР и в помине нет ни национализма, ни антисемитизма. Так, в самый разгар кампании по борьбе с космополитизмом «лучший друг» всех евреев

Иосиф Сталин неожиданно приказал издать молитвенник на иврите. В Ленинграде собрали издателей, которые, несмотря на свое еврейское происхождение, не знали ни слова на этом языке. Тем не менее, согласно легенде, они достали молитвенник 1913 г. и отдали его в типографию. Когда тираж был готов, оказалось, что сборник начинался молитвой за здоровье царя Николая II. Тираж пустили под нож. Что стало с издателями, догадаться нетрудно.

Цветущее древо государственного антисемитизма регулярно приносило горькие плоды. Смачные анекдоты ненавязчиво напоминали, кто есть кто. Чтобы не забывали. «*А вы знаете, что Ломоносов еврей?*» — «*С чего вы взяли?*» — «*Настоящая его фамилия Ораниенбаум*».

Наконец, евреи попробовали огрызнуться. Другой анекдот. *В отделе кадров: «Имя? Отчество?» — Аркадий Исаакович». — Еврей?» — «Нет». — «Но ведь Исаакович?» — «По-вашему, если Исаакиевский, то уже не церковь, а синагога?»*

Накануне московских Олимпийских игр 1980 г. в обмен на некоторые уступки Запада был разрешен выезд евреев из Советского Союза. Поток эмиграции оказался таким мощным, что не появиться анекдотам на эту захватывающую тему было просто нельзя. И они появились. *Если эмиграция пойдет такими темпами, то в стране останутся всего два еврея: в Ленинграде — Аврора Крейсер и в Москве — Мишка Талисман*.

К. С. ПИГРОВ: — С точки зрения Гумилева, действительно петербуржец — это этнос, то есть жители Петербурга — это этническая общность.

Н. А. СИНДАЛОВСКИЙ: — К счастью, да.

Г. Ф. СУНЯГИН: — Как получалось, что Петербург был местом, где сохранялись национальные особенности и одновременно эта сохранность никак не мешала активной ассимиляции в русскую культуру?

Н. А. СИНДАЛОВСКИЙ: — Мне кажется, в Петербурге присутствуют две формы существования

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. благодаря известным демократическим изменениям в России положение заметно стабилизировалось. Выезд евреев из страны несколько сократился. Фольклор тут же на это отозвался. Канал Грибоедова стали называть «Суэцким каналом».

Армянское радио спросили: «Чем отличается канал Грибоедова от Суэцкого канала?» — «Евреи на канале Грибоедова живут по обе его стороны».

Понятно, что, кроме упомянутых национальностей, среди жителей Петербурга были представители и других многочисленных народов, которые внесли свой вклад в сокровищницу петербургского городского фольклора. Всех их не перечислить. Однако бесспорно, что именно благодаря им Петербург стал неким уникальным полигоном, универсальной лабораторией, где истории представилась редкая возможность не только реализовать мощный потенциал наиболее пассионарной, по выражению Льва Гумилева, части народа, но и сохранить национальные особенности всех групп населения. И при всем этом именно в Петербурге родился уникальный термин, которым петербуржцы обозначают свою национальную принадлежность. Этот термин далек от подлинной научности, но он безупречен как по форме, так и по содержанию. Как утверждает городской фольклор, на вопрос о национальности жители Петербурга все чаще и чаще отвечают: «Петербургец».

многонациональных общин. Одна форма напоминает котел, в котором все переваривается, а вторая — лоскутное одеяло, где нации существуют, как лоскутки на одеяле, обособленно. Благодаря отсутствию традиций и желанию создать их и возникла такая общность — петербуржцы. Мало кто говорит: «Я саратовец» или «Я по национальности москвич» — только в Петербурге кому-то в голову пришла эта удивительная мысль — петербуржец, и ее подхватили, это стало фольклорной идиомой.